

СИНЕРГИЯ КУЛЬТУР АРХЕОЛИНГВИСТИКИ И НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АРМЕНИИ

Посвящается памяти **Н. Я. Марра,**
М.Г. Седракяна и А.Г. Ваганяна

1. Ակադեմիայի գիտական հիմնարկների և գիտնականների գործելակերպը (վերցնելով բերովի, ոչ տեղական) ակադեմիկոս Վ. Համբարձումյանը ազգի համար խոցելի ու կործարար համարեց և ցանկություն հայտնեց, որ ոչ բերովի, տեղական լինելու աշխատանքների ծավալը պետք է ընդարձակել ու խորացնել: ՀԳԱ ընդհանուր ժողովի ժամանակ (1985 կամ 1986թ.) ոտքի կանգնելով, բարձրաձայն արտահայտվեց ՀԳԱ անդամ Էդուարդ Աղայանը՝ "Հնագիտական արժեքներ ուսումնասիրելիս մենք՝ հայերս բաց ենք թողնում մի ողջ բնագավառ՝ հայերեն լեզուն..."

Ուսումնասիրեք հայերեն լեզուն ու կտեսնենք թե ինչ հնագիտական գանձեր է ւայրունակում այն..." (из воспоминаний талантливого армянского инженера-механика, главного конструктора механических систем глубоководных манипуляторов, генерального директора НПО "Автоматика" Миши Седракяна).

О первой письменной фиксации армянского языка за 2500 лет до Месропа Маштоца отмечает Ю. Л. Мосенкис (<http://trypillia.narod.ru/articles/armnew.htm>). Обращаясь в 1923г. с речью («Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания») к Парижскому армянскому студенческому союзу, академик Н. Я. Марр сказал: «...мы воодушевлены и движимы общей весьма дорогой вещью, единственной и наиболее мощной силой культуры и прогресса, любовью к одному и тому же предмету, к армянскому народу» (Язык и история. – Л., 1936. – С. 63). «...Сохраняя неистощимую сокровищницу и творческую среду, армянский язык, несомненно, имеет богатейший словарь, беспредельный выбор слов» (Там же. – С. 74). По Марру, через язык «армянский народ связан наитеснейшими связями не только с ныне раскиданными разными яфетическими племенами, с сохранившимися до нас от древности современными народами, но и со всем культурным человечеством, с коренным слоем средиземноморского человечества Европы со дней возникновения человеческого слова» (Там же. – С. 77). «Но сколькими, сколькими тысячелетиями мы должны измерять тот промежуток времени, в течение которого образовался армянский сложного типа язык..?» (Там же. – С. 80). На протяжении своей продолжительной истории «армянский народ, не только один из старших наследников

яфетического эпоса, но и старший из всех остальных, был наследником культурного предания, идущего из общечеловеческого источника, был верным хранителем его целостности, выращивателем и сеятелем на Востоке и Западе» (Там же. – С. 84). Завершая лекцию, Марр говорит о том, «какие сказочные горизонты открывают исключительные языковые богатства этого удивительного народа... и какие потрясающие материалы передает он для обнажения культурных связей и корней – своего и других народов» (Там же. – С. 84).

Н. Я. Марр – человек, который имеет исключительные заслуги перед арменистикой. Его «Грамматика древнеармянского языка» (1903) стала «повитухой при рождении арменистики» (Дегтерева Г. А. Пути развития современной лингвистики. – М., 1962. – Кн. 2. – С. 49-50). Из 213 публикаций Н. Я. Марра 1888-1915 годов свыше 100 специально посвящены языку и культуре армян.

Представляют научный интерес сведения из статьи В. А. Миханковой "Работа кабинета Н. Я. Марра" за 1936—1944 гг. НБЦ СЛОВО (ИФИ СПбГУ) 2006г., http://slovo.iphil.ru/virtlab/50/marr/Marr_jizny/Mihankova_kab/view. В ней отмечается, что в 1940 г. была закончена подготовка к печати второго издания капитального исследования Н.Я. Марра — «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища». Как известно, первое издание было начато как личное предприятие Н.Я. Марра. Часть листов была уже отпечатана, когда издание было передано в ГАИМК. За время подготовки к печати произошло изменение в составе подготовлявших издание лиц, сам Н.Я. Марр почти не принимал участия в этом деле, передав разрозненный текст своих лекций и докладов об Ани, легший в основу издания. В целях сокращения объема книги из нее было исключено почти все, напечатанное Н.Я. о раскопках в Ани. Таким образом, оказались опущенными материалы нескольких лет раскопок (1893, 1904, часть 1913 и т. п.). Кроме того, ограниченный при чтении лекций и докладов рамками времени, Н.Я. Марр в процессе чтения опускал целые параграфы, посвященные тому или иному вопросу. Эти вынутые из текста доклады части были исключены и из печатного текста.

Таким образом, определилась задача подготовки второго издания: восстановить по возможности полностью весь материал о раскопках в Ани и включить его в текст издания. С этой целью текст первого издания был сличен со всеми печатными работами Н.Я., Марр относящимися к Ани, а также с рукописными материалами архива ИИМК и кабинета. Таких материалов было выявлено в 148 рукописях. Иногда это были отдельные заметки, иногда большие работы, дневники раскопок и поездок, отчеты и т. п. Этот рукописный материал был также сличен с текстом первого издания и другими печатными работами об Ани, и из него выделены части, опущенные в издании. В результате оказалось около 15 печатных

листов дополнений, из них часть включена в основной текст книги, часть — в примечания, часть — в приложения.

Чтобы дать представление о характере этих материалов, остановлюсь на некоторых из них. 1) Хотя город Ани был не только столицей Армении, но и центром ее культурной жизни, не было известно ни одной рукописи, происходящей из Ани, о чем и говорится в тексте первого издания. Между тем одна такая рукопись существует, она была приобретена в 1913 г. для Азиатского музея (ныне Институт востоковедения Академии Наук), была описана Н.Я. Марром, и в его заметках имеется это описание, текст ее и русский перевод. Рукопись по содержанию не представляет особого интереса, тем более, что текст ее не изучен, особой древностью она также не отличается (она 1298 г.), но это пока единственная рукопись, писанная в Ани, о чем свидетельствует обстоятельная запись монаха Егбайрика.

2) Добавлена также заметка о деятельности армянских князей, братьев Ивана и Захария Долгоруких. Заметка эта была написана Н.Я. Марром в 1908 г., когда в связи с работами в Ани он предложил темой для студенческой медальной работы деятельность князей Долгоруких в эпоху царицы Тамары. В этой заметке, независимо от соображений Н.Я. Марра об исторической роли братьев Мхаргрдзелов, могут представить интерес те требования, которые Н.Я. Марр предъявлял к студенческой работе в 1908 г.: «...отнюдь не ограничиваться исследованием военных подвигов названных лиц. Вообще не думаю ограничивать научное творчество желающих писать. Тема лишь рамка, в пределах которой должна замыкаться работоспособность студента, определенный путь, который предлагается пройти, но по тому пути и с той стороны, с какой пишущий сумеет открыть больше для себя интереса... Считаю своим долгом предупредить, что от студенческой работы я требую, конечно, критического отношения и к моим мнениям, например, к мнению о Захаридах в работе «Ани, столица Армении». Требуется хорошее знакомство не только с литературой, что важно, но, и притом особенно, с источниками. Компиляция по историкам, например, Чамчяну, Броссе и др. будет отвергнута».

3) По совершенно непонятным причинам из первого издания была исключена оценка Н.Я. Марром памятников материальной культуры, в частности памятников Ани, для понимания исторического процесса. Я позволяю себе привести это рассуждение полностью, так как, по-моему, оно сохранило свой интерес для понимания исторической концепции Н.Я. Марром, причем следует учесть, что писалось это в 1904—1905 гг.: «Чем больше вещественных памятников открываем в Ани, произведений ли искусства, предметов ли материальной культуры, вообще обстановки, чем больше в нас накапливается непосредственных впечатлений от работы художественной мысли древних армян, их повседневного идейного мира и представлений о комплексе их материальных нужд, тем

более жизненными и соответствующими действительности становятся наши наблюдения и исторические выводы. **Отныне для историка Армении *conditio sine qua non* — общение с материальной средой, в которой разворачивалась действительная жизнь анийцев. Она открывает нам новые источники армянской истории, новые пути для ее исследования, более того — новое, совершенно иное ее понимание.**

Центр тяжести из тесного официально-национального круга армянских царей, армянских полководцев и армянской церкви передвигается в широкую народно-национальную среду.

На смену истории светских и духовных династий с исключительностью их сословных интересов нарастает история народных идеалов и народных потребностей на почве идейного общения с соседними народами. Перед научной пытливостью выдвигается новый мир с таинственным еще процессом развития мирных Художеств и ремесл, дающим иную расценку международным отношениям, чем та, которая устанавливается на основании анналов военных успехов или неудач» (А 2655, л . 1617—1618).

4) В связи с историей круглых храмов в Армении и Грузии в качестве приложения к книге дается очерк Н.Я. Марра о культурно-исторических взаимоотношениях Армении с соседними и отдаленными странами в V—VII вв. Очерк этот был вызван работой Стржиговского о руководящей роли армянского искусства в развитии христианского, в том числе и западного, искусства. Мысль Стржиговского пришлась по душе некоторым армянским исследователям, использовавшим ее в неприкрыто националистических целях. Н.Я. Марр, дав историю возникновения и развития круглых храмов в Бане, Ишхане, Карее, Вагаршапате, Ани, а также наметив место их в истории культуры Кавказа, предупреждает, что «подобно обаянию традиционно понимаемой национальной гордости и громкая европейская слава, великодушно предоставляемая армянскому искусству эфемерной теорией с птичьего полета, не должна служить соблазном, отвлекая наше внимание от бесспорно высокой чести, которую обеспечивает за древней Арменией раскрытие истинного значения памятников ее сложной жизни. И лишь в этом раскрытии подлинного их значения, в упрочении их настоящего имени, пусть не громкого, единственное призвание нашей науки». **Однако Н.Я. Марр отнюдь не отрицает влияния армянского искусства на другие, в частности, на так называемое сельджукское, проявлявшее сродство с анийским зодчеством, особенно в орнаментации.** В связи с этим в приложении к «Ани» дается небольшая заметка Н.Я. «О двуглавом орле в Ани», в которой он указывает на крупную методологическую ошибку некоторых западноевропейских ученых, например Sarre, ведших происхождение изображения двуглавого орла непосредственно из хеттских малоазийских

скульптур, без учета того, что двуглавый орел как сельджукидский герб появляется в XIII в., тогда как столетием раньше тот же двуглавый орел появляется в одной армянской скульптуре.

Упомяну последнее крупное дополнение: «О перестройке Анийского собора», доклад, читанный Н.Я. Марром в 1920г. В вопросе о перестройке этого памятника Н.Я. Марр расходился с рядом ученых, в том числе и с некоторыми своими учениками. Тем не менее, Н.Я. настаивает на том, что «одно бесспорное обстоятельство является решающим, чтобы поставить вопрос о перестройке собора. Это то, что собор — одна из самых монументальных, если не самая монументальная постройка в Ани. Между тем нет ни одной церкви, даже не монументальной, в этом замечательном во многом отношении средневековом городе, чтобы, построенная в эпоху царей, она не была объектом реставрации и переделки. В городе, можно сказать, непрерывный бурный натиск перестройки, вызывавшийся переменой художественных вкусов, шедшей в шаг с быстрой сменой социальных слоев, да и соревнованием сменявших друг друга иноземных или иноверных властей, различных национальных общественностей правящей среды. Греки, персы-мусульмане, грузины, цари, князья, служилые люди, приходы, халкедониты и антихалкедониты реставрировали, чтобы сохранить памятники, но еще больше не давали покоя памятникам анийцы в погоне за новой красотой, новой формой купола, новым модным материалом, новой техникой в зодчестве, новым сочетанием орнаментальных подробностей, новой разработкой деталей. Реставрация происходила и в целях приспособления к новому культу, если не мусульманскому, то все-таки особой христианской общины. Какое чудо! Один собор остается в неприкосновенности, один собор обходили своим вниманием и жадные до художественных новшеств анийцы или ревновавшие о благолепии храмов в путях модернизации попечители христиане, притом христиане различных исповеданий, и мусульмане. Все это, на мой взгляд, невозможно представить в Ани без одного фактора, именно чуда. Но если допустить это чудо, то тогда нечего тратить время на исследование: пути мира чудес неисповедимы». Посвятив в первом издании «Ани» вопросу о перестройке собора целую главу (ч. II, гл. X), Н.Я. Марр в этом позднейшем докладе приводит новые аргументы в подтверждение своей точки зрения, используя свидетельства армянских и грузинских историков, особенности надписей собора и других материалов из раскопок в Ани. Принимая во внимание то значение, которое придавал Н.Я. Марр перестройке собора как доказательству кипучей жизни в Ани в XII—XIII вв., обычно признававшихся периодом упадка культуры, мы сочли необходимым дать в приложении к книге полный текст этого доклада.

Таковы некоторые дополнения к первому изданию. Те же фактические данные, которые имеются в каталогах Анийского музея, путеводителях и пр., использованы в большинстве в примечаниях для большей конкретизации представления о характере групп памятников или отдельных предметов, обнаруженных раскопками в Ани и лишь бегло упомянутых в первом издании.

Особенную трудность представляло восполнение издания сведениями о работах 1914, 1916, 1917гг.; за этот период мы не имеем отчетов Н.Я. Марра, осветить же этот последний этап работ в Ани нужно еще и потому, что пока нет оснований надеяться, что здравствующие участники анийских работ возьмут на себя труд дать сводную работу об этом городе. Поэтому, по необходимости ограничив сведения о работах 1914, 1916 и 1917гг. данными кратких отчетов Н.Я. Марра в Академии Наук и в Русском археологическом обществе, в приложении мы даем выдержки из дневников раскопок за эти последние годы.

Попутно с подготовкой текста и его дополнением был пересмотрен и дополнен иллюстративный материал, специально для памятников, мало документированных в первом издании (церковь VIII в. из раскопок 1911г., жилой квартал у Храма Спасителя из раскопок 1913г. и др.). В сложной и кропотливой работе над подготовкой второго издания «Ани» советами помогал ряд товарищей (К.Д. Дондуа, А.Л. Якобсон, Т.М. Девель, Н. М. Токарский, А.Н. Карасев), особенно были ценны указания наиболее компетентного в этом вопросе специалиста, академика И. А. Орбели.

Вместо заключения

За последние годы автором (совместно с к.м.н., доцентом А.В. Степанян) были выдвинуты и обоснованы идеи о том, **что авторы наскальных рисунков VIII-Vтыс. до н. э., обнаруженных на территории Армении, обладали развитой речью.** Кроме того, была подтверждена гипотеза о том, **что основным источником создания, проектирования и использования идеограмм (иероглифического письма) являются наскальные рисунки.**

Более того, результаты сравнительного анализа идеограммного опыта различных народов подтвердили обоснованность и достоверность выводов о том, **что в основе создания египетских, хеттских, шумерских, индийских и других идеограмм лежат армянские идеограммы.** Ранее было доказано, **что наскальные рисунки Армении являются основным источником армянских идеограмм (идеограммной формы в развитии письменной коммуникации).**

Следовательно, именно армянская речь и наскальные рисунки Армении лежат в основе создания и армянских, и египетских, хеттских, шумерских, индийских и других

идеограмм. Именно носители армянской речи стали первооткрывателями письменной формы коммуникации, сохранения и передачи знаний, опыта и умений. Именно в армянской речи должны были сохраниться следы опыта межкультурной коммуникации древнейших цивилизаций. В этой связи абсолютно прав Н.Я. Марр, впервые определив значимость армянского языка для мировой культуры, необходимость изучения и сохранения его как одного из основных источников культурного наследия.

Вот почему многие исследователи в речах древних египтян, хеттов, шумерийцев, индийцев, особенно, у представителей индоевропейской языковой группы, более того, у древних евреев и семитов, а также в языках многих современных народов могут обнаружить языковые "архетипы", которые имеют армянские корни, **поскольку речь, опыт наскального творчества, иероглифической, а затем и литерной письменности у предков армян, возникли намного ранее и, тем самым, оказали большое воздействие на формирование речи, наскальной живописи и письменности соседних народов.**

Общеизвестно, что идеограммное письмо легло в основу формирования алфавитного письма. Речевое мышление, речевая коммуникация и логическое мышление предшествовали возникновению наскального искусства, которое свидетельствует о развитии образного мышления. Тогда становится очевидным, что современная речь и язык должны включать в себе артефакты мышления древнего человека, человека каменного века (палеолита, мезолита, неолита). Известный ученый, **проф. Э. Анати отмечает, что наскальному творчеству более чем 50 тысяч лет.**

Вряд ли кто-либо будет сомневаться в том, что современные языки человечества наследуют опыт поколений, включают артефакты "каменного языка", - отражающие жизнь, быт, культуру, одним словом, развитие словотворчества мыслящего человека. В монографии "Каменная летопись цивилизации" Г. Ваганян и В. Ваганян (2005г.) дают описание модели системы артефактов "каменного языка". Она включает словарный запас из староармянского (грабар) и новоармянского (ашхарабар) языков, а также соответствующих диалектов.* Обитатели Араратских гор хранили, создавали и развивали языковое наследие, инструмент культурной коммуникации, транзакции культур древнейших цивилизаций Африки, Европы и Азии, независимо от реверса многовекторной миграции через Армянское нагорье. Жители араратских гор не только накопили уникальный опыт межкультурной коммуникации, когда

* Подробно о биологических корнях и числовых соотношениях речи - образа - знака и числа смотрите в работе армянского исследователя Г. Погосяна "Армянский язык в числах, закон Грабар, как возник язык и Библия", <http://www.iatp.am/god-kod>.

их язык вобрал в себя уникальные знания и артефакты материального и нематериального наследия. **Этот язык стал источником формирования и развития современного Армянского языка (в результате синтеза языков, барбаров родственных племен), передав высочайший интеллектуальный капитал, накопленный биологически родственными ранними и поздними охотниками, собирателями, скотоводами и земледельцами.**

Армянский язык в своей архитектуре опирается на фундаментальные принципы и ценности общечеловеческой культуры, философии первооткрывателей и хранителей знаний, мудрости общежития, в нем огромный, до сих пор не изученный, пласт универсального нематериального наследия, который включает многие элементы опыта даже несуществующих в настоящее время потомков древних народов. Именно в этой парадигме историко-лингвистического процесса становления барбаров, диалектов армянского языка следует, на наш взгляд, идентифицировать интеллектуальный, культурный капитал, нематериальное наследие, как мертвых, так и живых языков человечества.

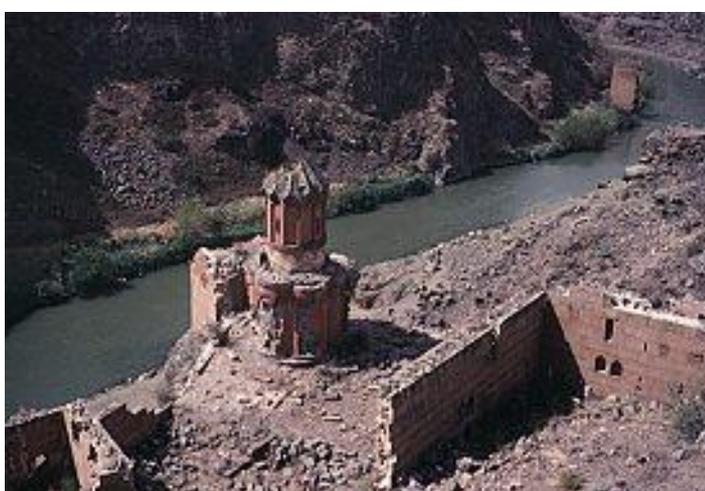
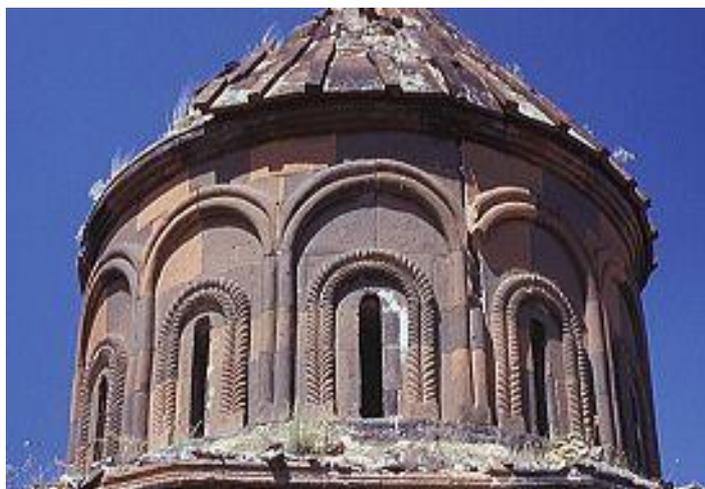
Если интеллектуальный капитал всех языков мира (объема совокупных знаний, опыта, умений и навыков, синтезированных) измерить и оценить величиной $IK_{\text{я}} = 100\%$, то в армянском языке относительная величина интеллектуального капитала может быть соотнесена с величиной пропорциональной золотому сечению.

Литература

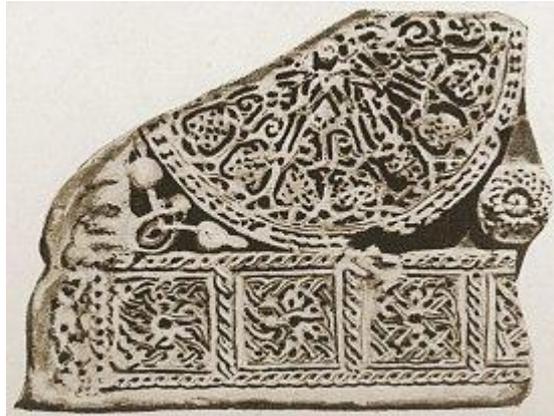
1. Марр Н. Армянская культура, <http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html>.
2. Брюсов В. Сфинксы и вишапы (некоторые черты культуры древнейшего Кавказа), http://www.iatp.am/culture/articles/sfinks_vishap.html.
3. Сардарян С. А. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.
4. Айвазян С. Каредаран - музей каменной культуры, <http://www.iatp.am/ara/sites/articles/kare-r.htm>.
5. Абрамян А.Г. Армянское письмо и письменность. Издательство Ереванского Университета, Ереван, 1973.
6. Погосян Г. Армянский язык в числах, закон Грабар, как возникал язык и Библия, <http://www.iatp.am/god-kod/index.htm>.
7. Мосенкис Ю. Первая письменная фиксация армянского языка за 2500 лет до Месропа Маштоца, <http://trypillia.narod.ru/articles/armnew.htm>.
8. Наскальное искусство Армении. Веб портал "АркаЛер - АйкНет", 1996 - 2007, <http://www.iatp.am/ara/index.html>.

9. Ваганян Г., Степанян А. Доисторическое искусство Армении: новые открытия, новые интерпретации и новые методы исследования, XXI Valcamonica Symposium "Prehistoric and Tribal Art: New Discoveries, New Interpretations, New Research Methods", Darfo Boario Terme (BS), September 08-14, 2004, Italy, http://www.iatp.am/vahanyan/articles/world_heritage.doc.
10. Ваганян Г., Блеян В., Кочарян Л., Ваганян В. Наскальные рисунки Армянского нагорья. Сборник докладов международной конференции "Мир наскального искусства". Институт Археологии и этнографии РАН, Москва, 2005, http://www.iatp.am/vahanyan/articles/rock_arts_world1.pdf.
11. Ваганян Г., Степанян А.. Поиски протоцивилизации (наскальные рисунки, процессы познания и мышления). Сборник докладов международной конференции "Мир наскального искусства", Институт Археологии и этнографии РАН, Москва, 2005, http://www.iatp.am/vahanyan/articles/rock_arts_world2.pdf.
12. Ваганян Г., Ваганян В. Каменная летопись цивилизации. Монография, Ереван, Нжар, 2006, <http://www.iatp.am/vahanyan/kamlet/index.html>.
13. Г. Ваганян. Rock Art in the Frame of the Cultural Heritage of Humankind (Наскальное искусство Армении), XXII Valcamonica Symposium, 18 – 24 May, 2007, Italy, <http://www.iatp.am/valcamonica/rock-art.ppt>.
14. Vahanyan G. About model of searching, identification, measurement and valuation of the main source of human identity. Colloquium UISPP-CISENP - The Intellectual and Spiritual Expressions of Non-Literate Peoples. UISPP - Union Internationale Des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. CISENP – International Scientific Commission “The Intellectual and Spiritual Expressions of Non-Literate Peoples”, 22-23 Oct. 2007, Paris.

Памятники Ани

Богом данный, сотворенный город любви

Приложение 1

Из текста КОНВЕНЦИИ ОБ ОХРАНЕ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ, а также МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНВЕНЦИЮ ОБ ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

принимая во внимание важное значение нематериального культурного наследия в качестве горнила культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития, что подчеркивается в Рекомендациях ЮНЕСКО,

учитывая тесную взаимозависимость между нематериальным культурным наследием и материальным культурным и природным наследием,

для реализации Целей Конвенций:

- (a) охрана нематериального культурного наследия;
- (b) уважение нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц;
- (c) привлечение внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности нематериального культурного наследия и его взаимного признания;
- (d) международное сотрудничество и помощь.

1. «Нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия.

Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития.

2. «Нематериальное культурное наследие», как оно определено в пункте 1 выше, проявляется, в частности, в следующих областях:

- (a) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- (b) исполнительские искусства;
- (c) обычаи, обряды, празднества;
- (d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- (e) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

3. «Охрана» означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия.

Статья 13 – Другие меры по охране

Для обеспечения охраны, развития и повышения роли нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории, каждое государство-участник прилагает усилия с целью:

- (a) принятия общей политики, направленной на повышение роли нематериального культурного наследия в обществе и включение охраны этого наследия в программы планирования;
- (b) определения или создания одного или нескольких компетентных органов по охране нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории;
- (c) содействия научным, техническим и искусствоведческим исследованиям, а также разработке научно-исследовательских методологий с целью эффективной охраны нематериального культурного наследия, в частности нематериального культурного наследия, находящегося в опасности;
- (d) принятия соответствующих юридических, технических, административных и финансовых мер, направленных на:
 - (i) содействие созданию или укреплению учреждений по подготовке кадров в области управления нематериальным культурным наследием, а также передаче этого наследия через форумы и пространства, предназначенные для его представления и выражения;
 - (ii) обеспечение доступа к нематериальному культурному наследию при соблюдении принятой практики, определяющей порядок доступа к тем или иным аспектам такого наследия;
 - (iii) создание учреждений, занимающихся документацией по нематериальному культурному наследию, и облегчение доступа к ним.

Статья 14 – Образование, повышение осведомленности общественности и укрепление потенциала

Каждое государство-участник, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, прилагает усилия, направленные на:

- (a) обеспечение признания, уважения и повышения роли нематериального культурного наследия в обществе, в частности посредством:
 - (i) программ в области образования, повышения осведомленности и информирования общественности, в частности молодежи;
 - (ii) конкретных программ в области образования и подготовки кадров, предназначенных для соответствующих сообществ и групп;
 - (iii) мероприятий по укреплению потенциала в области охраны нематериального культурного наследия, связанных, в частности, с вопросами управления и научных исследований;
 - (iv) неформальных способов передачи знаний;
- (b) информирование общественности об опасностях, угрожающих такому наследию, а также о мероприятиях, осуществляемых во исполнение настоящей Конвенции;
- (c) содействие образованию по вопросам охраны природных пространств и памятных мест, существование которых необходимо для выражения нематериального культурного наследия.

Статья 15 – Участие сообществ, групп и отдельных лиц

В рамках своей деятельности по охране нематериального культурного наследия каждое государство-участник стремится обеспечить по возможности самое широкое участие сообществ, групп и, в соответствующих случаях, отдельных лиц, которые занимаются созданием, сохранением и передачей такого наследия, а также активно привлекать их к управлению таким наследием.

Статья 21 – Формы международной помощи

Помощь, предоставляемая Комитетом государству-участнику, регламентируется оперативным руководством, упомянутым в статье 7, а также соглашением, предусмотренным в статье 24, и может принимать следующие формы:

- (a) исследования, касающиеся различных аспектов охраны;
- (b) предоставление услуг экспертов и носителей нематериального культурного наследия;

- (с) подготовка любого необходимого персонала;
- (d) разработка нормативных и других мер;
- (e) создание и обеспечение функционирования инфраструктур;
- (f) предоставление оборудования и ноу-хау;
- (g) другие формы финансовой и технической помощи, включая, в определенных случаях, предоставление займов под низкие проценты и пожертвований.